

Я разжал пальцы, выпуская занавеску. Не знаю, что творилось у меня на душе: облегчение или разочарование? Наверное, и то, и другое, а может, и вовсе ничего. Я понимал лишь одно — он меня бросил.

Внутренне я насмехался над собственной глупостью. Оказывается, я считал его своей собственностью. Ни слез, ни смеха, ни боли — всё казалось таким спокойным. Возможно, потому, что он был первым человеком, которого я увидел, открыв глаза, я так не хотел отпускать его. Или, может, дело было в чувствах, которые невозможно истребить?

Но теперь всему пришел конец, и, пожалуй, для нас это был лучший исход. Люди меняются, сердца меняются, любовь и привязанности не остаются прежними. В мире нет ничего абсолютно определенного или безнадежного. В жизни каждого человека полно случайностей, и он... он был предрешен стать случайностью в моей. Бросил ли он меня или, наоборот, я был для него дорог, неважно. То, что я смог отстраниться до того, как мне причинили боль, — к лучшему. По крайней мере, это легче, чем пытаться принять разрыв, когда сердце уже разбито.

— С тобой всё в порядке, Ян? — Хэй Минсе с тревогой смотрел на моё безмятежное лицо. В его душе поднялась волна беспокойства и страха. Он боялся, что Хэй Минян не выдержит удара, а еще больше — опасался за его здоровье.

— Всё в порядке, что со мной может быть? — я быстро спрятал все эмоции и, ответив улыбкой, деланно-легкомысленно спросил: — Брат, расскажи, что такое Хэймин? И какими были наши родители?

— Хорошо, слушай, — Хэй Минсе не мог разгадать, что сейчас на уме у Хэй Миняна, но страх в его сердце исчез. Он тайком выдохнул, решив, что Хэй Миняну не так уж и важно произошедшее. — Хэймин затерян в самых суровых горах этого материка. Там повсюду расставлены ловушки, и, если не знать верного пути, даже если кто-то там погибнет, его тело могут не найти и спустя долгие годы. Но... у этого места есть своё особое очарование. Не бойся, ты полюбишь Хэймин! Что же до наших родителей, то они умерли много лет назад. Так давно, что я почти забыл, как они выглядели.

— На самом деле, забыть — это неплохо, — я отвел взгляд и, глядя сквозь занавеску кареты вдаль, тихо произнес: — Некоторые вещи, если они прошли, то прошли, а если забыты, то забыты. Даже если когда-нибудь всё вспомнится, жизнь уже не станет прежней. Мы не можем остановить ход времени, поэтому все мечтают вернуться в прошлое. Только вот... мы больше никогда не найдем тех, кем были раньше. Вдруг я осознал, что забыть всё — это редкое счастье. По крайней мере... я не знаю, каким был, и не терзаю себя надеждами найти того прежнего себя. Тогда я смогу продолжать идти вперед, не останавливаясь, чтобы оглядываться назад.

— Ты правда считаешь, что забыть всё — это счастье? — Хэй Минсе повернул мою голову к себе и заглянул мне в глаза, пытаясь найти хоть тень лжи. Увы... там не было ничего. Я казался таким бесстрашным, словно новорожденный младенец. Он смущенно убрал руку и несколько разочарованно произнес: — Если ты действительно так считаешь, то не пытайся

вспомнить прошлое, тогда ты никогда ничего не вспомнишь.

Тогда ты забудешь, кого любил и кого ненавидел. А у меня, возможно, появится хоть крошечный шанс, не так ли?

— Спасибо, — искренне поблагодарил я его, а также поблагодарил тех, кого увидел, очнувшись. Неважно, любили они меня на самом деле или ненавидели до глубины души — я благодарен им. Если бы не они, возможно, меня бы не существовало.

Я старался подавить все мысли, заставить себя не воображать лишнего, убедить себя принять этого чужого человека, которым я стал, смотреть вперед. Но... говорить легко, а на деле — невыносимо сложно. Я не хочу думать, но мысли сами лезут в голову. Похоже, только во сне можно перестать думать, искать и надеяться.

Я забыл, что нахожусь в карете, забыл, как здесь тесно, забыл, что за спиной деревянная перегородка. Я, не задумываясь, откинулся назад... Раздался глухой стук.

Голова ударилась о дерево. От этой силы я на миг забыл, где право, где лево, и какой сегодня день. Глаза бессильно моргнули, всё поплыло перед взором, и я, не успев среагировать, завалился набок. Прежде чем провалиться в забытие, у меня мелькнула мысль: я сам себя вырубил.

В полузабытии я увидел картину, повергшую меня в изумление. Я увидел другого себя — он лежал на ослепительно белой кровати, весь опутанный странными трубками, а рядом мигали какие-то приборы. Он просто закрыл глаза, и я не чувствовал ни его дыхания, ни жизненной силы. Казалось, он вот-вот умрет.

Нет, не надо! Я не хочу, чтобы он умирал!

Внезапно голову пронзила невыносимая боль. Я не мог её вынести, корчился на полу, стонал, но люди, снующие туда-сюда, никто не подходил помочь, никто не замечал меня... В голове блеснула вспышка, и мысли, спутавшиеся от боли, начали проясняться. Слезы хлынули из глаз — оказывается, вот оно что...

— Ян, что с тобой? Не пугай меня!

В ушах звенел встревоженный голос. Глядя на человека, лежавшего на кровати и удалявшегося от меня, я наконец не выдержал и закричал:

— Нет!

— Ян, всё хорошо, всё хорошо. Это был всего лишь сон, не бойся, — Хэй Минсе с тревогой смотрел на Хэй Миняна, который во сне рыдал, а его лицо стало бледным и безжизненным.

Ему пришлось разбудить его.

— Се Цзянь? — я протянул руку, погладил его по лицу, глядя на него сквозь слезы, полные вины и сожаления, и пробормотал: — Прости, прости, правда, прости...

— Глупыш, за что ты извиняешься? — хотя он не знал, что мне приснилось, но вину и раскаяние в моих глазах Хэй Минсе видел отчетливо. Он не осмелился спрашивать, почему я извиняюсь и плачу, а лишь крепко обнял, даря поддержку.

Я отстранился. Да, действительно, почему я извиняюсь? Он и Се Цзянь — два совершенно разных человека, а я — лишь случайный прохожий в их жизни. Сегодня они меня любят, а завтра? Послезавтра? Однажды они поймут, что я — не он, а он — не я. И что тогда со мной будет? Господи, как я здесь оказался? Я хочу вернуться, я не хочу здесь оставаться!

— Ян, с тобой всё в порядке? — поведение Хэй Миняна с того момента, как он проснулся, и малейшие перемены в его мимике не ускользали от глаз Хэй Минсе. Он чувствовал, что со мной что-то не так. Совсем не так.

— Спасибо, я в порядке, — я вежливо уклонился от его руки. Его прикосновение вызывало неловкость. Даже если он мой брат, мне не стоило быть с ним настолько близким.

— Хорошо, что всё хорошо!

Хэй Минсе был уверен, что со мной не всё в порядке, но не мог понять, в чем именно. Он смотрел на меня, надеясь найти хоть какую-то подсказку, но его усилия были тщетны: он никак не мог пробиться в мои мысли. Подобно тому, как ему было суждено никогда не обладать мной. Он любил Хэй Миняна, но, в конечном счете, не мог получить взаимности.

— Я хочу спать, — только когда я оставался один, я мог разложить всё по полочкам. Как я попал сюда? Зачем я здесь? И если я здесь, то где он?

— Хорошо, спи. Я буду тебя беречь, — мысли Хэй Минсе тоже были в смятении. Он подозревал, что ко мне вернулась память, но моё поведение не было похоже на воспоминания о прошлом. Раньше Хэй Миняна, с кем бы ни отдалялся, никогда не был столь холоден и безразличен к нему. Но теперь... нынешний Хэй Миняна был ни холоден, ни горяч, но в его глазах читалась странная вина. Хэй Минсе очень хотелось вскрыть мне череп и посмотреть, что там внутри, почему я так непонятен, но при этом меня невозможно отпустить.

Закрыв глаза, я думал, что не смогу уснуть, но не прошло и двадцати секунд, как усталость утянула меня на самое дно бездны. Кто знает, найду ли я там ответы?

— Ты очень смущен?

Из бескрайней тьмы донесся странный голос. Я прислушался, но казалось, что этот голос звучит отовсюду. Я хотел уйти, но не мог сделать и шага, поэтому воскликнул:

— Да, я смущен! Почему я здесь? Разве я не должен был умереть?

— Вселенная бесконечна, в ней может случиться всё что угодно, а то, что произошло с тобой, — лишь ничтожная мелочь, — голос — ни мужской, ни женский — снова донесся из тьмы. Он или она спокойно продолжали: — Ты и он — изначально единое целое. Вы дополняете друг друга. Вам суждено было переплестись судьбами, суждено разделить любовь и ненависть, суждено быть вместе...

— Я лишь хочу знать, почему я здесь! Я хочу вернуться! — мне было плевать на его путанные слова, даже если я их понимал, я притворялся, что нет. — Скажи, я могу вернуться?

— Конечно, ведь ты не принадлежишь этому миру, — здесь голос замолчал, и мне показалось, будто человек вздохнул. — Но... тебе нужно дождаться возможности. Момента, когда он проснется, а ты — уснешь. Однако... эта возможность появится еще не скоро. Успокойся и оставайся здесь.

— Что значит я усну, а он проснется? — этот вопрос был абсурдным. Сейчас я — это он, а он — это я. Как мы можем существовать так, чтобы один спал, а другой бодрствовал?

— Ха... ха...

Из темноты раздался смех. Сейчас голос казался мужским, хотя кто знает, настоящий он или нет. Я никогда не был так раздражен, внутри словно закипало пламя. Не в силах сдержаться, я гневно спросил:

— Чего ты смеешься? Это так смешно?

— Нет, совсем не смешно, — воздух донес эти слова до моих ушей. — Однако... когда увидишь меня в следующий раз, ты поймешь, что значит «один спит, другой просыпается».

— А когда будет этот следующий раз? — ответа на мой вопрос не последовало, что вызвало лишь большее недовольство. Я крикнул в бескрайнюю тьму: — Эй! Ты еще здесь? Ответь мне, когда я увижу тебя в следующий раз?!

Ответа не было. Я знал, что он ушел. Не знаю, кто он такой и зачем говорил со мной об этом. Но я был уверен в одном: он — единственный выход, который поможет мне вернуться домой. Кто он? Бог? Ангел? Сатана? Владыка преисподней? Бодхисаттва? Будда?

Вопросы множились в голове, вызывая всё большее смятение и боль. Почему всё так? Почему?

Сны давили на меня так, что не хватало воздуха. Я бродил на грани кошмаров, и когда снова открыл глаза, наступил следующий день после прибытия в Хэймин.

Я стоял у окна, глядя на пейзаж: горы, реки, прозрачные воды, птицы, цветы — в моем мире такого не увидишь.

Да, ко мне вернулась память. Но не память Хэй Миняна, а память Фэн Ханьчэ из современного мира. В тумане мне казалось, что я что-то ухватил, а может, и вовсе ничего.

Оторвавшись от прежнего мира, я понял, что и я прежний, и нынешний, и даже тот, что жил здесь когда-то — мы все одинаково слабы и трусливы. У нас не было уверенности, чтобы бороться за любовь, не было веры, что она может длиться вечно.

В мыслях всплыло прекрасное лицо Чжо Аочэня. Как же сильно я по нему скучал! Моя трусость так сильно ранила его. Я был так, так жесток. Если бы... если бы выпал еще один шанс, я непременно стал бы бороться за нашу любовь, оберегать её!

То существо из сна сказала: один уснет, другой проснется. Что это значит?

Чем больше я думал, тем больше мучился. Смысл слов казался простым, но... неужели мне нужно умереть еще раз? Неужели только через самоубийство можно вернуться в свой мир?

Чэнь, ты как? Я так скучаю по тебе, правда, так скучаю! Чэнь, если судьба даст мне шанс начать всё сначала, я сделаю всё возможное, чтобы защитить нашу любовь. Поверь мне, я клянусь: как только вернусь, я буду бороться, чего бы мне это ни стоило!

Я клянусь, что с этого момента больше не буду проливать слез от горя, только от счастья.

Я не понимаю, почему оказался здесь, не осознаю, какая связь между мной и ними. Хуанфу Цинкуан — копия Чэня, Хэй Минсе — копия Се Цзяня, да и я с Хэй Миняном — одно лицо. Нынешняя ситуация меня тяготит, но в глубине души я вынужден признать: некоторые вещи предрешены свыше. Может, я здесь, чтобы отдать долги? Или чтобы исправить сожаления Хэй Миняна, чтобы затем исправить свои собственные с Чэнем?

Не важно, зачем я пришел и зачем уйду. Сейчас у меня одна цель: найти выход и вернуться, чтобы продолжить любовь с Чэнем. Даже если наша любовь — табу, не признанное миром, кто может отрицать чувства между нами? Кто может судить о нашей любви?

Счастье нужно добывать самому, любовь — тоже. Почему я должен был зайти так далеко, чтобы увидеть это ясно? Какой же я глупый! Думал, что всё делаю ради Чэня, даже уходя от него. На самом деле, сделать человеку по-настоящему хорошо — значит дать ему счастье. И я уверен, что то счастье, которое я дарил Чэню, никто другой дать не сможет.

Раньше я всегда эгоистично считал, что всё делаю во благо Чэня, на самом деле ничуть не заботясь о его чувствах, не спрашивая, что действительно важно для него. Я лишь навязывал ему своё видение. Я был таким дураком, идиотом, своими руками вытолкнул за дверь того, кого люблю больше жизни! Я — величайший болван во вселенной!

Чэнь, мне так, так жаль! Я смотрел на вещи только со своей колокольни, не пытаюсь встать на его место, что и привело к нынешним результатам. Я сам во всем виноват, никто больше не причастен к этому.

Скрип...

Дверь отворилась. Вошедший человек замер, глядя на Хэй Миняна у окна. Солнечный свет падал на него, придавая ему святой вид, словно от легкого дуновения ветра он мог унести на небеса.

Долго не дожидаясь от него ни слова, я слегка повернул голову. Это был мой брат по имени — Хэй Минсе. Он — вылитый Се Цзянь, только вот... глядя на него, я не испытываю тех чувств, что к Се Цзяню. К нему я чувствую лишь отторжение и чуждость. Я не могу принять их, и неважно, что было до этого. Сейчас... я должен хранить себя для Чэня, и ради себя самого.

— Что-то случилось? — его замешательство в моих глазах выглядело удивлением. Я невольно снова сравнил его с Се Цзянем. Увы, Се Цзянь выигрывал в сравнении даже без усилий.

— Ян, ты винишь меня в том, что я привез тебя в Хэймин без твоего согласия? — он долго ломал голову и нашел только этот повод. В конце концов, увезти Хэй Миняна от самого дорогого человека — даже если он потерял память, он всё равно должен быть недоволен!

— Нет, я не виню тебя, — честно говоря, я должен поблагодарить его за то, что он привез меня обратно. Если бы не он, моя память, возможно, не восстановилась бы так быстро.

Я отвернулся и снова уставился на пейзаж. Птицы весело перелетали с ветки на ветку. Как бы я хотел быть одной из них. Свобода — редкий дар. Сейчас, хоть я и обеспечен всем необходимым, по сути, я — питомец под домашним арестом. Иначе... как объяснить, что на каждом шагу за мной ходит толпа людей?

Раньше, как бы Чэнь ни был одержим мной, он давал мне личное пространство. Я не чувствовал, будто меня заточили или держат под надзором. А они... всё наоборот.

— На самом деле... Хуанфу Цинкуан не бросал тебя. У него были важные дела. Как только он их закончит, он обязательно придет за тобой. И тогда... брат больше не будет вам мешать, — бог свидетель, каких сил ему стоило это сказать! Оказывается, для него действительно не было места в жизни Хэй Миняна. Неважно, потерял он память или нет, он всё равно любил и тосковал по Хуанфу Цинкуану. Если он будет настаивать, боюсь, даже звание брата потеряет, а в придачу навлечет на себя ненависть.

— Мне всё равно, — равнодушно бросил я. Даже если он действительно бросил меня — плевать. До того как ко мне вернулась память, может, я и чувствовал себя брошенным, но теперь я мечтаю, чтобы он больше не приходил.

Во мне всё еще жила любовь Хэй Миняна к нему. Будь я трусливее, возможно, так бы всё и продолжалось. Но... я больше не намерен трусить. Я стану сильным ради любви к Чэню. Поэтому... я больше не буду иметь ничего общего с Хуанфу Цинкуаном. Каким бы ни было моё нынешнее тело, одно прикосновение — это ошибка по неосторожности. Если я допущу её снова — значит, я принял это. А я больше не позволю такому случиться. Никогда.

В последующие дни время словно застыло: никаких перемен, никаких волнений, даже погода не менялась. Всё было слишком спокойным. Только вот люди, снующие мимо, при виде меня исчезали так, словно увидели привидение. На самом деле... чем они заняты, что делают — мне было глубоко наплевать. Даже если я умирал от скуки, я не собирался расспрашивать их о чем-либо.

Последние дни я только и делал, что спал, надеясь снова увидеть себя из другого мира или встретить того человека из сна. Но, к сожалению, ни разу не видел и не слышал его, как бы долго ни спал.

— Эх...

Я лежал на декоративном камне в самом центре Хэймина и смотрел на птиц, что то и дело проносились по небу. Как же это, должно быть, прекрасно — парить в вышине. Конечно... если бы не охотники, их жизнь была бы ещё счастливее.

Я думал о том, чтобы разузнать о местности и путях выхода, чтобы спланировать побег. Но... как только я доходил до мало-мальски глухого места, передо мной возникал человек и с самым почтенным видом говорил: «Молодой господин, вы заблудились? Позвольте мне проводить вас обратно!»

Только послушайте, что они говорят! Как тут откажешь? Похоже, Хэй Минсе отлично раскусил мои мысли, или точнее, мысли своего родного брата. Ему невозможно отказать, как и Се Цзяню.

У каждого есть небо, к которому он стремится, но моё небо — не здесь. И сколько бы сил и времени это ни потребовало, я должен улететь обратно, потому что... там остался человек, которого я люблю больше всего на свете — Чжо Аочэнь.

За эти дни я много думал. Может, моя трусость ранила Чэня, может, моё молчание ранило его. Но... я верю, что наша любовь пройдет испытание временем. Как говорят: время докажет всё.